

**Султанов А.Р.,**  
начальник юридического управления ОАО "Нижнекамскнефтехим",  
судья Третейского энергетического суда

**Правовые последствия постановлений  
Европейского Суда по правам человека**

**Sultanov A. R.,**  
Head of Legal Division of Nijnekamskneftehim OJSC,  
Judge of Energy Arbitration

**Legal consequences of rulings of the  
European Court of Human Rights**

Россия является членом Совета Европы и участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция), в связи с чем в ее национальном законодательстве должны быть определены правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека. В АПК РФ и УПК РФ такие правовые последствия были определены довольно давно. В АПК РФ (ст. 311) установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, являлось основанием пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, а после принятия новой редакции указанной статьи названное нарушение считается основанием для пересмотра по новым обстоятельствам. В УПК РФ закреплено положение, согласно которому установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом РФ уголовного дела следует считать новым обстоятельством, являющимся основанием для возобновления производства (п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Следует заметить, что правовые процессуальные последствия постановлений ЕСПЧ в УПК РФ законодатель установил значительно шире, чем в АПК РФ. Так, в АПК РФ круг субъектов, которым может быть предоставлена возможность обращаться с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся

обстоятельствам, ограничен лишь заявителем, обратившимся в ЕСПЧ, а в УПК РФ такого ограничения для возобновления производства нет. Кроме того, в АПК РФ основанием пересмотра является установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела. В то же время в УПК РФ к новым обстоятельствам отнесено установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом РФ уголовного дела, связанного с применением федерального закона, не соответствующего положениям названной Конвенции, и с иными нарушениями положений Конвенции.

Что касается ГПК РФ, то в нем до недавнего времени не было установлено правовых последствий постановлений ЕСПЧ, и это обстоятельство вызывало обоснованную критику со стороны ученых и юридической общественности\*(1). При этом одни ученые полагают, что установление нарушения постановлением ЕСПЧ является основанием для исправления судебной ошибки в процедуре надзора\*(2), другие - в процедуре по вновь открывшимся обстоятельствам\*(3), третьи предлагают создать специальную процедуру для пересмотра вступивших в законную силу решений после установления нарушений Конвенции\*(4).

Представляется, что последняя позиция выработана с целью решить проблему исполнения постановлений ЕСПЧ и избежать необходимости разрешения спора о правовой квалификации установления ЕСПЧ нарушения Конвенции. С практической точки зрения уход от доктринального спора\*(5), наверное, был бы правильным действием.

Процедура пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском процессе нуждалась в определенной модернизации. Внимательное изучение обстоятельств, названных в ст. 392 ГПК РФ и ст. 311 АПК РФ в качестве вновь открывшихся, позволяет обнаружить в их числе и те, которые могли быть отнесены к новым обстоятельствам. То есть ранее законодатель не видел принципиального различия между вновь открывшимся и новыми обстоятельствами.

Надо отметить, что еще недавно ВАС РФ и ВС РФ придерживались мнения, что постановление ЕСПЧ должно восприниматься в качестве вновь открывшегося обстоятельства. Так, в постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ N 2 от 4 февраля 2010 г. "О регламенте Дисциплинарного судебного присутствия" в качестве основания для пересмотра решения Дисциплинарного судебного присутствия по вновь открывшимся обстоятельствам было указано установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении дела Дисциплинарным судебным присутствием, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ (ст. 20 Регламента).

Однако после принятия КС РФ постановления от 26 февраля 2010 г. N 4-П ВАС РФ и ВС РФ выступили с законодательной инициативой об установлении в процессуальных кодексах в качестве пересмотра судебных актов новых обстоятельств.

В 90-х гг. XX в. И.М. Зайцев, рассматривая проблему гражданско-процессуальных последствий новых обстоятельств, указывал, что среди новых обстоятельств существуют также такие, которые делают постановленное решение юридически ничтожным\*(6). В качестве примера он приводил гражданско-процессуальные нарушения, допущенные судом после вынесения решения. Ученый полагал, что каждый случай, когда новые обстоятельства могут повлечь отмену судебного постановления, должен быть указан в законе\*(7).

Безусловно, нарушение прав и свобод человека делают решение суда незаконным. Соответственно, можно говорить о том, что постановление ЕСПЧ является новым обстоятельством, влекущим за собой незаконность ранее постановленных национальными судами решений. Однако если исходить из того, что постановлением ЕСПЧ только устанавливается факт нарушения Конвенции, но при этом сам факт нарушения не возникает как результат деятельности ЕСПЧ, а существует уже на момент разрешения дела национальными судами, процедура пересмотра по вновь открывшимся

обстоятельствам также вполне применима. Нарушение Конвенции и есть обстоятельство, юридический факт, являющийся основанием для пересмотра судебного акта.

В силу того что деятельность ЕСПЧ имеет субсидиарный характер, основная нагрузка при выявлении нарушений прав и свобод, защищаемых Конвенцией, лежит на государственных органах стран-участниц и их судах. Более того, выявление ЕСПЧ нарушения Конвенции закрепляет именно за государством обязанность по восстановлению нарушенных прав. Нарушения Конвенции могут быть различны, но в любом случае установление факта нарушения Россией Конвенции является отражением того, что многоинстанционная российская судебная система оказывается неспособной защитить гарантируемые Конвенцией права и свободы. Соответственно, законодатель должен предусмотреть такие процессуальные последствия постановлений ЕСПЧ, которые в полной мере обеспечивали бы восстановление нарушенных прав, - полное исполнение постановлений ЕСПЧ\*(8).

В постановлении ЕСПЧ от 30 июня 2009 г. по делу "Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии" против Швейцарии (жалоба N 3272/02) установлено нарушение Конвенции неисполнением ранее вынесенного постановления ЕСПЧ. Несмотря на то, что в Швейцарии предусмотрена процедура возобновления производства после вынесения постановления ЕСПЧ, такой пересмотр не был осуществлен, и заявитель снова обратился в ЕСПЧ. Суд в данном деле сформулировал ряд важных правовых позиций: "возобновление производства на внутреннем уровне может являться одним из важных аспектов исполнения решений суда"; "возобновление разбирательства, которое нарушило Конвенцию, не является самоцелью, это просто средство - хотя и одно из основных средств, которые могут быть использованы для указанных целей, а именно: полное и надлежащее выполнение постановлений Суда".

Отсюда следует вывод, что процессуальные последствия постановлений ЕСПЧ должны проявляться в возможности не только возобновления производства, но и восстановления нарушенных прав и свобод. Конвенционное охранительное правоотношение завершается лишь тогда, когда субъективное право получило реализацию и тем самым достигнута цель осуществления субъективного права или когда нарушенное субъективное право было восстановлено.

Процессуальный эффект постановлений ЕСПЧ должен также заключаться в преюдиции его постановления и невозможности национальных судов рассматривать постановление ЕСПЧ как необязательную иную точку зрения на предмет спора. Лицо, выигравшее дело в ЕСПЧ, должно быть освобождено от доказывания обстоятельств, установленных ЕСПЧ. Толкование ЕСПЧ норм Конвенции применительно к обстоятельствам дела является обязательной процедурой, так же как и подтверждение постановлением ЕСПЧ субъективного права заявителя.

Этот вывод следует из компетенции ЕСПЧ, в обязанности которого входит надзор за соблюдением прав и свобод человека государствами - участниками Конвенции. Последняя в некоторых случаях допускает определенное усмотрение со стороны государства, в том числе при рассмотрении вопросов об ограничении прав и свобод, но "право усмотрения государств при определении наличия "необходимости"... является ограниченным и находится в неразрывной взаимосвязи со строгим европейским надзором за законами и применившими их решениями, в том числе и решениями независимых судов"\*<sup>(9)</sup>. При выполнении функции надзора ЕСПЧ видит свою задачу в том, чтобы проверять решения, принятые властями в рамках осуществления своего права усмотрения. Это не означает, что ЕСПЧ должен ограничиваться оценкой того, действовало ли государство-ответчик разумно, внимательно и добросовестно при осуществлении им своего права усмотрения; он должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете всего дела и определить, "соразмерно" ли вмешательство "преследуемой легитимной цели", являются ли основания, на

которые ссылаются национальные власти, "достаточными и относящимися к делу". Кроме того, ЕСПЧ необходимо удостовериться в том, что национальные власти применили стандарты, соответствующие предусмотренным Конвенцией принципам, а также в том, что принятые им решения основаны на приемлемой оценке фактов, имеющих значение для дела\*(10).

Необходимо учитывать, что "с точки зрения Конвенции российское... законодательство может выступать в качестве объекта исследования (на предмет его соответствия Конвенции), но не как регулятор"\*(11). Оценка ЕСПЧ нормативных актов как не соответствующих Конвенции хотя и не влечет их автоматической дисквалификации, но порождает обязанность правоприменителя применять нормы международного права, имеющие приоритет, а не нормы, не соответствующие Конвенции (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 4 ст. 11 ГПК РФ, ст. 7 ГК РФ).

Законодатель должен определять процессуальный эффект постановлений ЕСПЧ исходя из компетенции ЕСПЧ таким образом, чтобы национальные суды были связаны вынесенным постановлением ЕСПЧ и не пытались настаивать на своем ошибочном толковании обязательств, вытекающих из участия России в Конвенции \*(12).

Существует также проблема, вызванная отсутствием в гражданском законодательстве, судебной практике и процессуальных законах России понятия "длящееся правонарушение"\*(13). Соответственно, суды, сталкиваясь с длящимися нарушениями прав и свобод, гарантируемых Конвенцией, не выполняют своей обязанности по защите прав и свобод\*(14). Концепция длящегося правонарушения, применяемая ЕСПЧ\*(15), должна, на наш взгляд, учитываться судами при рассмотрении вопроса о возможности отказа в удовлетворении требований на основании пропуска сроков, установленных ч. 4 ст. 198 АПК РФ или ст. 256 ГПК РФ. В случае, когда речь идет о длящемся продолжаемом правонарушении, суд не имеет права отказывать в удовлетворении требований на основании пропуска сроков, предусмотренных для обращения в суд. При наличии длящегося правонарушения срок для

обращения в суд должен исчисляться не с момента начала правонарушения, а с момента его окончания.

Следующий вопрос, который должен быть разрешен, касается расширения пределов обязательной силы постановлений ЕСПЧ и распространения их действия на лиц\*(16), чьи права и свободы нарушены применением тех законов и нормативных актов, которые не приведены в соответствие со стандартами Конвенции \*(17).

Так, в постановлении ЕСПЧ по делу "Кимля и другие против России" от 1 октября 2009 г. было установлено нарушение ст. 9 Конвенции в свете ст. 11 в связи с тем, что регистрирующие органы и суды при рассмотрении вопроса о регистрации религиозных организаций руководствовались "правилом 15 лет", установленным Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях". В практике ЕСПЧ такие случаи не единичны\*(18).

Нужно ли заявителям ждать, когда ЕСПЧ рассмотрит их жалобу для того, чтобы восстановить свои права? Должно ли государство предпринять меры по восстановлению прав и свобод, понимая при этом, что постановление ЕСПЧ будет аналогичным? Исходя из ст. 2 Конституции РФ такое ожидание не разумно, оно может закончиться вынесением "пилотного" постановления ЕСПЧ\*(19) либо увеличением сумм, взыскиваемых с государства за нарушение прав и свобод человека в пользу заявителей.

По мнению сотрудника Генеральной прокуратуры РФ Н. Квитко, заявители, предполагающие выиграть его в ЕСПЧ, не будут заинтересованы в отмене неконвенционных решений после того, как ЕСПЧ примет их жалобу, поэтому нужно "внести изменения в наше законодательство, наделив Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей, Генерального прокурора РФ и его заместителей правом внесения надзорных представлений по делам в связи с обращением Уполномоченного РФ при ЕСПЧ непосредственно в суд надзорной инстанции на коллегиальное рассмотрение.

Это позволит восстановить нарушенные права граждан до вынесения решения Европейским судом, что в какой-то степени будет способствовать сохранению "лица" государства"\*(20). Однако для обеспечения выполнения требований ст. 1 Конвенции и ст. 2 Конституции РФ правильнее было бы предоставить лицам, чьи права и свободы были нарушены, после вынесения постановления ЕСПЧ по аналогичному делу право требовать не только пересмотра ранее вынесенных решений, но и восстановления нарушенных прав и свобод, включая компенсацию в размере, аналогичном установленному ЕСПЧ по схожему делу. В отсутствие такого процессуального средства национальные суды лишены возможности эффективно осуществлять защиту прав и свобод, гарантируемых Конвенцией.

Так, Нововоронежский городской суд Воронежской области отказал в рассмотрении заявления об утверждении мирового соглашения между Главным управлением труда и социального развития администрации Воронежской области и гражданкой, чья жалоба находилась на рассмотрении ЕСПЧ, сочтя, что он не является компетентным судом для разрешения данного вопроса\*(21). Недавно было вынесено определение КС РФ от 7 июня 2011 г. N 853-О-О. В нем было указано, что, когда установленное ЕСПЧ по жалобе одного из истцов по делу нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении данного лица состоит в умалении фундаментального права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6), вследствие которого результат судебного разбирательства в целом оказывается несовместим с Конвенцией и которое по своей природе не может не затронуть права других соистцов в том же деле, последним также должна быть обеспечена возможность восстановления нарушенного права. По смыслу ст. 46 Конвенции и в силу принципа субсидиарности деятельности ЕСПЧ для устранения последствий таких нарушений государством-ответчиком могут устанавливаться различные правовые способы, одним из которых является возможность пересмотра по обращению этих лиц вынесенных судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. При этом разрешение вопроса о том,

затрагивает ли нарушение Конвенции, установленное ЕСПЧ в отношении одного из истцов, права других лиц - соистцов по данному делу, не обращавшихся в этот Суд, и если затрагивает, то в какой степени, как и определение того, является ли пересмотр судебного постановления с учетом характера нарушения и обстоятельств данного конкретного дела необходимым для защиты их прав, осуществляется судом общей юрисдикции. Таким образом, положения ст. 392 ГПК РФ не исключают возможности обращения кого-либо из соистцов по делу с заявлением о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления по этому делу по вновь открывшимся обстоятельствам и, соответственно, возможности его пересмотра в случае, когда ЕСПЧ по жалобе другого лица, участвующего в данном деле в качестве истца, установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод при вынесении этого судебного постановления.

В том случае, когда права и свободы нарушены применением законодательства, не приведенным в соответствие с Конвенцией, можно предположить, что создание процедуры, позволяющей оспаривать в судах законы и нормативные акты, которые не соответствуют Конвенции, ускорило бы их приведение в соответствие с международными стандартами. Существующая в настоящее время возможность по дисквалификации не соответствующих Конвенции норм может быть реализована в том случае, если нарушение конвенционных прав и свобод осуществлено нормативным актом, который может быть рассмотрен в КС РФ, и если нормы этого акта не соответствуют нормам Конституции РФ\*(22).

Так, КС РФ признал не соответствующими Конституции РФ положения УПК РФ в той мере, в какой они не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения.

Данное постановление КС РФ можно рассматривать как одновременное исполнение постановления ЕСПЧ от 20 октября 2005 г. по делу "Романов против России", где указывалось, что присутствие заявителя в судебном заседании является необходимым условием для того, чтобы судья мог лично убедиться в его психическом состоянии и принять справедливое решение.

Таким образом, КС РФ разрешил вопрос о приведении УПК РФ в соответствие с европейскими стандартами\*(23).

Существует также возможность оспаривать законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, противоречащие Конвенции, в конституционные (уставные) суды субъектов РФ, когда можно сделать вывод об их несоответствии также конституции или уставу субъекта Федерации. В ГПК РФ и АПК РФ не предусмотрено специальной процедуры оспаривания нормативных актов, не соответствующих международным договорам, но это не означает, что такая возможность отсутствует. Следует согласиться с В.А. Канашевским в том, что решение ЕСПЧ может послужить основанием для признания правового акта недействительным, поскольку в соответствии со ст. 13 ГК РФ нормативный акт, не соответствующий закону или иным правовым актам и нарушающий права гражданина или юридического лица, может быть признан судом недействительным, где понятие "иные правовые акты" включает и нормы Конвенции \*(24). Участие в Конвенции и наличие возможности обращения граждан в ЕСПЧ возлагают дополнительную ответственность на суды высших инстанций, которые обязаны проверять не только законность и обоснованность вынесенного судом решения, но и соответствие закона или иного правового акта государства, примененного по делу, нормам Конвенции, т.е. примененный судом нормативный акт должен быть не только "законным", но и "правовым"\*(25).

Главным процессуальным эффектом постановлений ЕСПЧ является преюдициальность толкований Конвенции, позволяющая применять их напрямую, не ожидая приведения законодательства в соответствие с

Конвенцией. Преюдициальность должна быть закреплена в процессуальных кодексах.

Законодателю предстоит проделать значительную работу, чтобы конституционное право на обращение в межгосударственные органы (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ) было эффективным, а не теоретическим и иллюзорным. Полагаем, что существует необходимость принятия федерального закона "Об исполнении решений межгосударственных органов, вынесенных по жалобам против Российской Федерации".

В данном случае можно воспользоваться опытом стран - участниц Совета Европы. Например, Закон Украины "Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека" принят с целью: урегулировать отношения, возникающие в связи с обязанностью государства исполнить решения ЕСПЧ по делам против Украины; устранить причины нарушения Украиной Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней; внедрить в украинское судопроизводство и административную практику европейские стандарты прав человека; создать предпосылки для уменьшения числа заявлений в ЕСПЧ против Украины. То есть названный Закон носит комплексный характер. В нем предусмотрен принудительный механизм исполнения постановлений ЕСПЧ в части выплаты компенсации, присужденной ЕСПЧ.

К сожалению, отечественное законодательство не предусматривает способов принудительного исполнения постановлений ЕСПЧ, а процессуальное законодательство не предоставляет средств защиты от их неисполнения. Попытки приведения в исполнение постановлений ЕСПЧ в порядке, установленном для признания иностранных решений, не получили поддержки ВС РФ\*(26).

Одним из инструментов, который может подвигнуть правоприменителя не допускать нарушения Конвенции, является закрепление в специальном законе процедуры возмещения убытков, нанесенных государственному бюджету вследствие выплаты компенсации, присужденной ЕСПЧ за нарушение прав и

свобод. Так, в названном Законе Украины, где данная процедура установлена, обращение с иском о возмещении таких убытков закреплено не в качестве возможности, а в качестве обязанности. Более того, умышленное неисполнение должностным лицом постановления ЕСПЧ согласно ч. 3 ст. 382 УК Украины влечет уголовную ответственность.

Полагаем, что Россия обладает достаточным потенциалом для создания механизма полного исполнения решений межгосударственных органов, а каждый житель России заслуживает того, чтобы его права и свободы были не только провозглашены, но и реально защищены.

### **Библиографический список**

- Алиев Т.Т. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 2007.
- Афанасьев С.Ф. О пересмотре судебных актов по гражданским делам в связи с применением нормативных правовых актов с обратным эффектом // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. N 2, 3.
- Блажеев В.В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. N 11.
- Ершов В.В. Актуальные теоретические и практические вопросы Конституции России и Тырновской Конституции Болгарии // Российская юстиция. 2004. N 6.
- Ершов В.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. N 1.
- Зайцев И.М. Гражданско-процессуальные эффекты новых обстоятельств // Правоведение. 1997. N 4.
- Зорькин В.Д. Диалог Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка // Сравнительное конституционное обозрение. N 1. 2011.
- Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М., 2004.

Квитко Н. Суд - европейский, проблемы - российские // Законность. 2007. N 1.

Корнилина А.А. Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Лесницкая Л.Ф. Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов: сб. М., 2008.

Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1904 г.). М., 1996.

Мкртумян А. Правовые средства пересмотра судебных актов (практика и проблемы) // Эффективность правосудия: сб. матер. 3-й междунар. конф. судей. Тбилиси, 2005.

Овсепян Ж.И. К обсуждению концепции статуса конституционного правосудия в сфере защиты фундаментальных прав и свобод на основе принципов и норм международного права // Журнал конституционного правосудия. N 1. 2011.

Осокина Г.Л. Гражданский процесс. М., 2007.

Пацация М.Ш. Европейский Суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // Законодательство и экономика. 2006. N 3.

Проект о внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РФ // Российское правосудие. 2009. N 2.

Султанов А.Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. N 12.

Султанов А.Р. Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и *res judicata* // Журнал российского права. 2007. N 11.

Султанов А.Р. Правовые последствия постановлений ЕСПЧ для лиц, участвовавших в рассмотрении дела, и третьих лиц // Арбитражная практика. 2007. N 7.

Туманов Д.А. Вновь к дискуссии о пункте 5 ст. 392 ГПК РФ и пунктах 6 и 7 ст. 311 АПК РФ, а также о необоснованно расширительном толковании п. 1 ст. 311 АПК РФ // Право и политика. 2008. N 11.

Федина А.С. Значение решений Европейского суда по правам человека в реализации принципа законности в гражданском судопроизводстве // Юрист. 2007. N 3.

Филатова М.А. Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека в свете постановления Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2010 // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2010. N 4.

Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право. М., 2008.

---

\*(1) Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право. М., 2008. С. 221, 225; Афанасьев С.Ф. О пересмотре судебных актов по гражданским делам в связи с применением нормативных правовых актов с обратным эффектом. Арбитражный и гражданский процесс. 2008. N 2, 3; Федина А.С. Значение решений Европейского суда по правам человека в реализации принципа законности в гражданском судопроизводстве // Юрист. 2007. N 3.

\*(2) См.: Блажеев В.В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. N 11; Ершов В.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека. Российское правосудие. N 1.2007. С. 31; Алиев Т.Т. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам М., 2007. С. 98-99.

\*(3) См.: Лесницкая Л.Ф. Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов: сб. М., 2008; Осокина Г.Л. Гражданский процесс. М., 2007. С. 737; Воронцова И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. М., 2009.

\*(4) См. проект о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ,

- Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ. См. специальный выпуск журнала "Российское правосудие". С. 73-76. См. также: Проект о внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РФ // Российское правосудие. 2009. N 2. С. 93.
- \*(5) Подробнее об этом см.: Туманов Д.А. Вновь к дискуссии о пункте 5 ст. 392 ГПК РФ и пунктах 6 и 7 ст. 311 АПК РФ, а также о необоснованно расширительном толковании п. 1 ст. 311 АПК РФ // Право и политика. 2008. N 11.
- \*(6) См.: Зайцев И.М. Гражданско-процессуальные эффекты новых обстоятельств // Правоведение. 1997. N 4. С. 137-140.
- \*(7) См.: Зайцев И.М. Указ. соч. С. 137-140.
- \*(8) См.: Султанов А.Р. Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и *res judicata* // Журнал российского права. 2008. N 11; Султанов А.Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. N 12. С. 85-92.
- \*(9) Постановление ЕСПЧ по делу "Саентологическая церковь г. Москвы против России" от 5 апреля 2007 г. § 86.
- \*(10) Там же. § 87.
- \*(11) Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М., 2004. С. 250.
- \*(12) Такие случаи, к сожалению, имеют место. Примером может служить определение Никулинского районного суда г. Москвы от 11 марта 2008 г.
- \*(13) См.: Корнилина А.А. Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 129.
- \*(14) См., например, определение Московского городского суда от 22 сентября 2009 г. по делу N 33-24161.
- \*(15) См., например, постановление ЕСПЧ Папамихалопус и другие против Греции от 24 июня 1993 г.

\*(16) См.: Квитко Н. Суд - европейский, проблемы - российские // Законность. 2007. N 1; Султанов А.Р. Правовые последствия постановлений ЕСПЧ для лиц, участвовавших в рассмотрении дела, и третьих лиц // Арбитражная практика. 2007. N 7.

\*(17) К такому выводу можно прийти на основе анализа правовых позиций, изложенных в постановлении КС РФ от 26 февраля 2010 г. N 4-П и в постановлении КС РФ от 21 января 2010 г. N 1-П.

\*(18) Жалоба N 47191/06 "Церковь Саентологии Санкт-Петербурга и другие против России" была коммуницирована 26 января 2011.

\*(19) Существует точка зрения, что лишь "пилотные" постановления обладают обязательным ретроспективным действием, в то же время не отрицается расширение ретроспективности действий ЕСПЧ (см.: Филатова М.А. Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека в свете постановления Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2010 // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2010. N 4. С. 17).

\*(20) Квитко Н. Указ. соч.

\*(21) См. определение Нововоронежского городского суда от 19 июля 2009 г.

\*(22) О расширении пределов такой возможности см.: Овсепян Ж.И. К обсуждению концепции статуса конституционного правосудия в сфере защиты фундаментальных прав и свобод на основе принципов и норм международного права // Журнал конституционного правосудия. N 1. 2011. С. 9.

\*(23) См.: Зорькин В.Д. Диалог Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка // Сравнительное конституционное обозрение. N 1. 2011. С. 106.

\*(24) См.: Канашевский В.А. Указ. соч. С. 253.

\*(25) См.: Мкртумян А. Правовые средства пересмотра судебных актов (практика и проблемы) // Эффективность правосудия: сб. матер. 3-й междунар. конф. судей. Тбилиси, 2005. С. 48-49.

\*(26) См. определение ВС РФ от 28 декабря 2004 г. по делу N 41-Г04-27.